

«ПРОШУ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЕРНУТЬ МЕНЯ К ЖИЗНИ, ОКАЗАТЬ ДОВЕРИЕ БЫТЬ ЧЛЕНОМ ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ ЛЕНИНА – СТАЛИНА»: БОРЬБА И. М. ЗАЛЬЦМАНА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ В РЯДАХ ПАРТИИ

А. В. Сушков

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, Екатеринбург, Россия.
suschkow@mail.ru

Вскоре после исключения в 1949 г. из членов ВКП(б) бывший директор Челябинского Кировского завода И. М. Зальцман развернул борьбу за восстановление в рядах партии. Реабилитация обвиняемых по «ленинградскому делу» и «делу Еврейского антифашистского комитета», осуществленная после смерти И. В. Сталина, позволила И. М. Зальцману добиться снятия с себя ключевых обвинений и восстановления в партии. Что, в свою очередь, дало ему возможность занять номенклатурную должность директора одного из ленинградских заводов, а в последующем сформировать и широко распространить миф о своей отставке и исключении из партии якобы в связи с «ленинградским делом». Вместе с тем о полной партийной реабилитации И. М. Зальцмана, то есть отмене решения об исключении из партии со снятием всех обвинений, о чем рассказывал Зальцман, на самом деле речь не шла. В 1955 г. решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС он был восстановлен в партии, но с указанием перерыва в партийном стаже. В 1981 г. секретариат XXVI съезда КПСС постановил изъять перерыв в партийном стаже И. М. Зальцмана, учитывая, что он признает и осуждает допущенные в прошлом проступки.

Ключевые слова: *И. М. Зальцман, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, партийно-государственная система власти, г. Челябинск, Челябинский Кировский завод.*

И. М. Зальцман, когда вспоминал свое прошлое, не считал нужным подробно останавливаться на обстоятельствах, при которых он был восстановлен в рядах партии после исключения в 1949 г. «В 1955 году с меня полностью сняли все обвинения и восстановили в партии, – писал в 1986 г. Зальцман давнему знакомому, известному челябинскому журналисту и публицисту Р. Ф. Шнейвайсу. – Еще через два года я вернулся в Ленинград, где возглавил строительство опытно-механического завода, став впоследствии его первым директором». «И вот – год 1955-й. Снова вызов в КПК, но встреча уже совсем с другими людьми, – излагал воспоминания Зальцмана ленинградский корреспондент А. А. Герваш. – Ему принесли извинения, восстановили в партии. И хотя реабилитация была полной, однако дефицит гласности в ту пору привел к тому, что еще многие годы за Зальцманом тянулся шлейф разговоров и сплетен о мнимой его вине...» [Герваш: 1988, С. 4; Шнейвайс: 2000, С. 7].

Однако архивные документы показывают совсем иную картину, отличную от той, что пытался создать И. М. Зальцман в письмах и беседах с корреспондентами...

22 октября 1949 г. И. М. Зальцман был принят на завод № 480 Министерства транспортного машиностроения СССР в городе Муром

Владимирской области на должность старшего технолога – заместителя начальника механического цеха № 4¹. Исключение из партии, еще к тому же решением ЦК ВКП(б), закрывало перед ним путь к продвижению на руководящие должности. Кроме того, такой факт в его биографии вынуждал местные властные инстанции, желали они того или нет, выискивать недостатки в работе Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии и, наоборот, закрывать глаза на пусть очевидные достижения в его работе. Потому Исаак Моисеевич, не теряя времени, развернул отчаянную борьбу за восстановление в рядах партии.

Первое заявление в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) с просьбой о восстановлении в партии (апелляцию на решение КПК об исключении) И. М. Зальцман подал 17 января 1951 г., то есть спустя менее чем полтора года после исключения. После отказа, через год с небольшим (9 марта 1952 г.), Зальцман отправил вторую апелляцию. К тому времени минуло два месяца, как он был переведен в город Орел на завод почтовый ящик № 201 Минтрансмаша СССР, где бывший нарком получил место старшего мастера механического участка цеха.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 505.

И в том, и в другом заявлениях Зальцман признавал свои ошибки, выразившиеся в допущении грубости, защите негодных кадров, нарушении государственной дисциплины. Исаак Моисеевич уверял, что полностью осознал свое «непартийное поведение», и в связи с отсутствием партвзысканий за 21 год пребывания в партии просил «найти возможным смягчить меру партийного взыскания». Однако и во втором случае он тоже получил отказ: решение об исключении из партии было оставлено в силе. Выслушивать доводы лично от И. М. Зальцмана непосредственно в бюро КПК цеховские партийные следователи нужным не сочли¹.

Текущей работы в цеховском партконтроле вполне хватало, и апелляции Зальцмана разбирались не спеша: если его последнее заявление было датировано 9 марта 1952 г., то было рассмотрено на бюро КПК только 4 июня. Лишь в начале августа решение было отослано в Секретариат ЦК ВКП(б) для утверждения².

Проверку по «делу Зальцмана» проводил ответственный контролер комиссии Колесников. В служебной записке на имя М. Ф. Шкирятова он, по сути, повторил те обвинения, которые были выдвинуты против И. М. Зальцмана в записках А. Я. Новикова при исключении того из партии. В сентябре И. М. Зальцмана вызвали в Орловский горком ВКП(б) и там ознакомили с отрицательным решением бюро КПК³.

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. Зальцман счел подходящим поводом для того, чтобы вновь попытать удачу в высших партийных инстанциях, хотя со времени получения ответа по предыдущей апелляции минуло лишь полгода. 13 апреля он подготовил новое заявление на имя М. Ф. Шкирятова, занимавшего на тот момент пост председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. В заявлении И. М. Зальцман в очередной раз попытался снять с себя ответственность за подарки «ленинградцам» и отправку стройматериалов в театр Михоэлса. Вновь, как и в сентябре 1949 г., Зальцман уверял, что инициатива вручения подарков членам Военного совета Ленинградского фронта исходила от заводского парторга М. Д. Козина, инициативу эту одобрил первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев, и вместе с подарками в Ленинград были отправлены грамоты обкома и облизполкома. «Я принимал участие в подготовке этих подарков, хотя решение о посылке их было при-

нято в моем отсутствии», – писал Зальцман. Он заверял, что «дело о подарках» было рассмотрено высшими инстанциями, и за это он уже понес наказание: «Как коммунист и б[ывший] руководитель завода я должен был понести за это наказание. В 1947 г. этим вопросом занималось Министерство госконтроля СССР, и по его представлению Правительство объявило мне выговор. После 1947 г. вплоть до моего снятия с работы и исключения из партии (1949 г.) никаких замечаний по нарушению государственной дисциплины я не имел». Зальцман решительно отмежевался от связей с бывшим ленинградским начальством, описал свою трудовую деятельность на «Красном путиловце» и потом на Урале и дважды особо подчеркнул: «За время работы в Ленинграде у меня никаких личных связей с б[ывшими] ленинградскими руководителями не было»⁴.

В отношении еврейского театра Зальцман писал, что не знал и не знает его руководителей, в личной переписке с ними не состоял, в театре был лишь раз в жизни. Свою прежнюю версию о виновных в этом деле он не изменил и указал значительно меньший объем помощи театру, нежели тот, что фигурировал в документах партконтроля: «В связи с телеграммой руководства театра (1946 г.) разрешил изготовление 2-х титанов (бачки для подогрева воды). В действительности титаны не были изготовлены, а без моего ведома заместитель коммерческого директора (г. Канель) отпустил вагон леса и 70 кг красок»⁵.

Остальные ошибки, в которых был обвинен И. М. Зальцман, он признавал безоговорочно. «Не снимая и не смягчая сколь-нибудь допущенные мною тяжелые ошибки: грубости, неправильный стиль руководства заводом, защита провинившихся кадров, участие в посылке подарков как недопустимый факт нарушения государственной дисциплины, еще раз прошу Вас учесть, что я в течение всех лет моей сознательной жизни был предан делу великой партии Ленина – Сталина, – писал он Шкирятову. – В тяжелые годы жизни нашей Родины коллектив завода, в котором я работал, с честью справился с задачами, возложенными на него Партией и Правительством. За прошедшие 4 года я день и ночь обдумывал, проверял свой жизненный путь. Сын портного, всей своей жизнью, знаниями, опытом я обязан родной партии и Советской власти. Воспитанный комсомолом и партией, я виноват в том, что допустил тяжелые ошибки, но я всей душой, всеми мыслями всегда был предан делу партии Ленина

¹ Там же, Л. 453, 474.

² Там же, Л. 447, 474.

³ Там же, Л. 443–446, 453.

⁴ Там же, Л. 452–453.

⁵ Там же, Л. 451–452.

– Сталина. Прошу Центральный комитет вернуть меня к жизни, оказать доверие быть членом великой партии Ленина – Сталина. Я это доверие оправдаю»¹.

На всякий случай Зальцман написал письмо еще и Н. С. Хрущеву, который на тот момент был ведущим секретарем ЦК КПСС. Приехав в Москву в отпуск, 27 апреля Зальцман обратился к Хрущеву с просьбой принять его по вопросу о восстановлении в партии: «Очень прошу принять меня и дать мне возможность лично проинформировать Вас про все обстоятельства, связанные с этим вопросом. 30-го мая в связи с окончанием моего очередного отпуска я уезжаю по месту работы. Понимая огромную Вашу занятость, прошу Вас выделить мне несколько минут»².

Судя по документам, Хрущев не принял Зальцмана. Готовивший заключение ответственный контролер КПК Климов вновь перечислил прежние обвинения в адрес Зальцмана и в качестве дополнительного доказательства того, что «<...> факты недостойного поведения т. Зальцмана вызвали большое недовольство и возмущение в коллективе завода», указал, что собрание партийного актива завода в июле 1949 г. в решении просило КПК исключить Зальцмана из партии. Партследователь, несмотря на уверения Зальцмана, подтвердил результаты расследования своего бывшего коллеги А. Я. Новикова, что в 1946 г. Зальцман незаконно отпустил из фондов завода 5 вагонов леса, 3 тонны железа, 800 килограммов краски и другие материалы Московскому еврейскому театру. Обвинения в подарках «ленинградцам» с Зальцмана сняты тоже не были: «Одна шашка и часы были преподнесены бывшим ленинградским руководителям, оказавшимся врагами народа, – Кузнецову, Попкову, Капустину»³.

Климов запросил руководство завода № 537 в Орле, где Зальцман к тому времени работал старшим мастером по подготовке производства механического цеха, предоставить в КПК отзывы о его работе. Отзывы от начальства поступили неоднозначные. «Директор завода т. Плотников и заместитель секретаря партбюро завода т. Маслов сообщили, что т. Зальцман со служебными обязанностями справляется, имеет благодарности за отдельные успехи на участке, проводит беседы среди рабочих своего участка, – докладывал Шкирятову партследователь Климов, – в то же время малоактивен и недостаточно проявляет инициативы в служебной и общественной жизни

завода, приказами по заводу в 1952 году ему был объявлен выговор за оформление нарядов на работу по заточке инструмента без приемки ОТК, в 1953 году сделано предупреждение за попытку скрыть нарушителя трудовой дисциплины, эти взыскания снять»⁴. В конце записки Климов, чего не делалось ранее, перечислил высокие регалии мастера завода: «Тов. Зальцман Исаак Моисеевич, рождения 1905 года, был членом КПСС с 1928 года, генерал-майор инженерно-танковой службы, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, имеет правительственные награды»⁵.

Тем не менее М. Ф. Шкирятов в записке на имя Н. С. Хрущева от 24 апреля не принял во внимание характеристику И. М. Зальцмана с последнего места работы и его высокие звания и награды, а ограничился перечислением основных обвинений в его адрес. Описывая ответственность Зальцмана за подарки «ленинградцам» и еврейскому театру, Шкирятов не скрывал, что формулировки решения КПК об исключении Зальцмана из партии отражали политическую конъюнктуру 1949 г.: «В последних вопросах вина т. Зальцмана усугублялась тогда еще и тем, что Московский еврейский театр был закрыт по политическим соображениям, а в части подношения подарков усугублялась тем, что Кузнецов и Попков ко времени рассмотрения дела были разоблачены как враги народа»⁶.

В итоге Зальцману вновь отказали в восстановлении в рядах партии. В партийных кулуарах заявитель получил совет: вступать в партию на общих основаниях, а затем обращаться в цеховский партконтроль с ходатайством о восстановлении партийного стажа. Иначе говоря, пожертвовать гордостью любого коммуниста – партийным стажем. Зальцман готов был последовать совету. Однако секретарь заводской парторганизации, к которому он пришел и через которого должно было проходить вступление в партию старшего мастера Зальцмана, от греха подальше посоветовал решать вопрос о восстановлении в цеховском комитете партконтроля. Заводскому партийному секретарю вторил секретарь Орловского обкома КПСС М. М. Румянцев: «Лучше чтобы Вас восстановило КПК»⁷.

Зальцман решил продолжать борьбу за восстановление в партии. Ради партбилета поступил в университет марксизма-ленинизма при Орлов-

¹ Там же, Л. 451.

² Там же, Л. 463.

³ Там же, Л. 471.

⁴ Там же, Л. 470.

⁵ Там же.

⁶ Там же, Л. 456.

⁷ Там же, Л. 496.

ском горкоме КПСС. 10 сентября 1954 г. старший мастер завода «Трансмаш» (так теперь назывался завод в Орле) И. М. Зальцман отправил небольшое заявление на имя Н. С. Хрущева и К. Е. Ворошилова: «Прошло 5 лет, как я исключен из партии. За эти годы я находился на производстве, работая мастером, и по мере своих сил и возможностей старался исправить ошибки, допущенные мной в процессе работы. Я вырос в комсомоле и партии. Всю свою жизнь был верен делу коммунистической партии. С чистой совестью и открытой душой обращаюсь к Вам и прошу Вас, Никита Сергеевич и Климент Ефремович, оказать мне доверие и, пересмотрев решение КПК, восстановить меня в рядах партии»¹. Однако это послание также осталось без положительного ответа.

Тем временем политическая обстановка в стране стремительно менялась. Еще 6 апреля 1953 г. в «Правде» была опубликована передовая статья, в которой сообщалось о фабрикации сотрудниками Министерства государственной безопасности СССР ряда следственных дел и о том, что среди прочих ими «<...> был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс» [Советская...: 1953, С. 1].

24 декабря 1954 г. в «Правде» и других советских газетах было напечатано небольшое сообщение «В Верховном суде СССР», где речь шла о судебном процессе над бывшим министром госбезопасности СССР В. С. Абакумовым. Отмечалось, что «Абакумов сфальсифицировал так называемое «ленинградское дело», по которому был необоснованно арестован ряд партийных и советских работников, ложно обвиненных в тяжчайших государственных преступлениях» [Кутзов: 1989, С. 53].

Таким образом, два основных обвинения, предъявленных И. М. Зальцману исходя из политической конъюнктуры в 1949 г., отпали. Следует также отметить, что в январе 1954 г. после продолжительной болезни умер многолетний руководитель цеховского партконтроля М. Ф. Шкирятов, который непосредственно участвовал в разбирательствах по «делу Зальцмана». Урна с его прахом со всеми почестями была захоронена в Кремлевской стене [Видный деятель..., 1954, С. 3; У гроба..., 1954, С. 3; Похороны..., 1954, С. 3]. Обязанности председателя КПК временно стал исполнять бывший заместитель Шкирятова Павел Тимофеевич Комаров, пришедший в КПК в 1952 г. Именно ему стал адресовать очередные послания И. М. Зальцман.

Исаак Моисеевич прочитал статью П. Т. Комарова «О требовательности и чуткости», которая была опубликована в журнале «Партийная жизнь» в декабре 1954 г., и решил потребовать от партконтроля чуткого к себе отношения. В заявлении от 20 февраля 1955 г. он, ссылаясь на эту публикацию, попросил Комарова принять его для беседы по своему «партийному делу» либо поручить это сделать кому-либо из членов Комитета партийного контроля при ЦК КПСС².

Обращение к Комарову возымело действие. КПК затребовало с завода «Трансмаш» характеристику. Директор предприятия Плотников и секретарь партбюро Панин дали положительную оценку И. М. Зальцману, в прошлом декабре назначенному заместителем начальника механического цеха. Директор и партийный секретарь отмечали, что Зальцман проявил себя как исполнительный и дисциплинированный работник, технические и организационные вопросы решал правильно, с работой справлялся, принимал участие в общественной жизни – выступал перед рабочими с лекциями и проводил с ними беседы на технические и политические темы, а также учился в университете марксизма-ленинизма при горкоме КПСС³.

Вскоре, 7 апреля того же года, Зальцман написал развернутое заявление на имя Комарова с просьбой разобрать его дело. Как он писал Комарову, обратиться вновь в КПК его подтолкнуло то обстоятельство, что ряд предъявленных ему «неправильных обвинений» «сами по себе отпали»⁴. Потому основное внимание в заявлении Зальцман уделил обвинениям в оскорбительном и пренебрежительном отношении к работникам завода.

Заявление он начал с признания своей виновности: «За годы войны, работая директором Челябинского Кировского завода, мною были допущены ряд грубостей по отношению к некоторым руководящим работникам завода. Будучи виноват перед партией за допущенное поведение, недостойное коммуниста, я старался в течение этих 6 лет до конца исправить допущенные ошибки».

Далее в своем привычном стиле он постарался свести на нет даже эти, казалось бы, неоспоримые обвинения в свой адрес: при разборе его дела попросил учесть некоторые обстоятельства. «Грубости у меня имели место по отношению к некоторым руководителям завода в условиях, когда я неделями не спал и не уходил с завода, – писал Зальцман в заявлении. – От души желая вы-

² Там же, Л. 501.

³ Там же, Л. 513.

⁴ Там же, Л. 496.

¹ Там же, Л. 502, 513.

играть минуты для выполнения заданий партии и правительства, будучи переутомленным, я проявлял вспыльчивость и недопустимые грубости. К сожалению, я иногда этим ошибкам не давал должной оценки, и никто меня своевременно не поправлял».

Зальцман уверял, что за 12-летний период руководящей работы грубость с его стороны имела место исключительно в годы войны: «Как до, так и после у меня их больше не было». После войны за грубость его критиковала парторганизация завода, эту критику он воспринял и в последующие годы работы «свои ошибки исправлял». В доказательство Зальцман привел результаты тайного голосования в состав парткома завода: если, как он писал, в 1947 г. он получил несколько десятков голосов «против» (в действительности выборы были в 1946 г.), то в последующие годы эта цифра снижалась, и в 1949-м он получил меньше всех. Многие коммунисты в выступлениях подчеркивали, что он учел критику парторганизации (на самом деле это не уставал отмечать заводской парторг Е. В. Мамонтов, а никак не «многие коммунисты» завода). На заводском уровне Зальцман решил не останавливаться и для пущей убедительности заявил совсем далекое от реальности: «С такими же лучшими результатами меня выбирали в райком, горком и обком партии»¹.

Зальцман сообщил, что многие обвинения в его адрес, изложенные в выступлениях и заявлениях, не соответствовали действительности: например, «Я бы тебя расстрелял» и прочие. Он отметил, что не был допущен на партийный актив в июле 1949 г. и тем самым лишен возможности опровергнуть ряд несправедливых обвинений.

Зальцман заявлял, что никогда за весь период работы на заводах (с 1933 г.) он не оскорбил ни одного рабочего, всегда проявлял большую заботу и чуткость к людям, а его «недостойное поведение» по отношению к некоторым инженерно-техническим работникам не есть черта его характера. Оно обусловлено «тяжелейшими обстоятельствами тех лет»².

Покончив с хамством, Зальцман перешел к взаимоотношениям с партийными органами. Отбросив ложную скромность, Исаак Моисеевич принялся рисовать идиллическую картину, как он служил и прислуживал местным парторганизациям: «В течение всех лет я состоял членом заводского партийного комитета, присутствовал на всех заседаниях и выполнял все поручения партийной организации. Бывший парторг ЦК на за-

воде тов. Мамонтов (ныне работает главным инженером Кировского завода, г. Челябинск), бывший секретарь Челябинского обкома (т. Патоличев) могут подтвердить, что я проявлял большую инициативу и активность в жизни заводской, районной и городской партийной организации. Все поручения партийных организаций мною выполнялись самым аккуратным образом. Я сам осудил имевший место случай нетактичного обращения со 2-м секретарем обкома партии» [Сушков: 2016, С. 341–343].

Зальцман вновь и вновь подчеркивал, что работал в тесном контакте с Н. С. Патоличевым, ныне членом ЦК КПСС и первым секретарем ЦК компартии Белоруссии (тем более, отпала необходимость валить на Патоличева ответственность за подарки «ленинградцам»). Он заранее предвосхищал вполне вероятный вопрос о своих «громких» заявлениях в адрес райкома, что для него позор состоять его членом, что учиться там ему нечему и так далее: «Следует учесть, что за годы войны по поручению ЦК и правительства заводом занимался 1-ый секретарь обкома т. Патоличев, а второй секретарь (т. Баранов) по совместительству одновременно был парторгом ЦК на заводе. Вследствие чего большинство вопросов, касающихся работы завода, помимо райкома обсуждались и решались в обкоме партии»³.

Зальцман считал нужным также дать пояснения по поводу прописки в Челябинске своей сестры [Сушков: 2016, С. 344]. Вновь, как и прежде, он утверждал, что обращался за советом к первому секретарю обкома А. А. Белобородову и начальнику МГБ (на самом деле – к начальнику областного УМВД), и последний дал ей разрешение жить и работать в Челябинске. Зальцман сообщил, что с сестры судимость снята, она проживает в Копейске Челябинской области. Вместе с тем он признавал, что допустил ошибку и поступил беспринципно⁴.

Под конец заявления Зальцман уверял, что за прошедшие шесть лет с момента исключения из партии он проанализировал весь свой жизненный путь, тщательно продумал допущенные ошибки и постарался исправить их до конца на низовой работе. Однако и здесь он попытался взвалить ответственность за свои промахи на других. Как заверял Зальцман, оказывается, ему не говорили о его ошибках. «Я понимаю, что в допущенных ошибках я всецело сам виноват, – писал Зальцман, – сожалею только, что в те годы меня своевременно строго не предупредили и не призвали

¹ Там же, Л. 499–500.

² Там же, Л. 498–499.

³ Там же, Л. 497–498.

⁴ Там же, Л. 496–497.

к порядку. Я уверен, что тогда не было бы необходимости применять ко мне высшей меры партийного наказания. Я прошу КПК учесть, что за время пребывания в течение 21 года в партии я не имел партийных взысканий». Закончил Зальцман традиционно: «Прошу КПК оказать мне доверие и восстановить меня в рядах КПСС. Я оправдаю доверие партии»¹.

Как уже говорилось, подписал Зальцман заявление 7 апреля. Уже спустя два дня, 9 апреля 1955 г., оно было рассмотрено на заседании КПК при ЦК КПСС под председательством П. Т. Комарова (это означает, что механизм по рассмотрению «дела Зальцмана» был запущен до написания им заявления). При обсуждении на заседании в КПК присутствовал первый секретарь Орловского обкома КПСС Ф. Р. Васильев. Несмотря на откровенное искажение фактов в заявлении в КПК, Зальцману на этот раз пошли навстречу. В принятом решении указывалось, что Зальцман восстановлен членом КПСС, учитывая, что после исключения из партии в 1949 г. он, находясь на низовой работе на производстве, исправил свое поведение, и его служебная и общественная деятельность за этот период характеризовалась положительно².

По тому, как прошло заседание, и по высказываниям Комарова, якобы заявившего, что тщательная проверка обвинений 1949 г. показала их необоснованность и они полностью снимаются, Зальцман считал, что он восстановлен в партии без каких-либо оговорок. Однако, когда он приехал в Орловский обком КПСС за новым партбилетом, радость его сменилась огорчением: Зальцман увидел в партбилете отметку о перерыве в партстаже с сентября 1949-го по апрель 1955 г.³

Не откладывая в долгий ящик, Зальцман вновь развернул активную борьбу, теперь уже за изъятие перерыва в партстаже. В марте 1956 г. ему снова удалось попасть на прием к П. Т. Комарову. Несмотря на обещания последнего решить этот вопрос положительно, дело с места не сдвинулось. В заявлении в КПК на имя П. Т. Комарова в январе 1957 г. Зальцман был более требователен, нежели ранее: «Учитывая, что до исключения из партии я не имел партийных взысканий, что при разборе моего дела основные обвинения отпали, а также мою деятельность в течение этих лет и всей моей жизни, прошу Комитет партийного контроля полностью восстановить мой партийный стаж». Зальцман, поднявшийся к тому вре-

мени до начальника цеха, указывал, что цех под его руководством успешно справлялся с планом, по итогам работы ему присвоено звание «передового цеха», а сам он и другие работники его цеха награждены грамотами от завода, горкома и горисполкома⁴.

Так и не дождавшись положительного результата, И. М. Зальцман в 1957 г. перебрался из Орла в Ленинград, где, как он вспоминал, благодаря протекции председателя Ленинградского горисполкома Н. И. Смирнова получил должность главного инженера треста «Ленгорлес». Спустя два года ему предложили кресло директора Механического завода управления капитального ремонта Ленинградского горисполкома, который предстояло построить и ввести в эксплуатацию. С этой задачей Зальцман успешно справился [Герваш: 1988, С. 4; Сергейчук: 2005, С. 228–229]⁵.

В марте 1964 г. в КПК при ЦК КПСС поступило очередное заявление от И. М. Зальцмана с просьбой полностью восстановить его партийный стаж. «Всю свою жизнь я принимал активное участие в жизни нашей партии, – писал директор завода. – Я заверяю Центральный комитет КПСС, что буду и впредь в первых рядах строителей коммунистического общества»⁶.

КПК запросила из Ленинграда характеристики на И. М. Зальцмана. Начальник управления капитального ремонта Ленинградского горисполкома А. Ловкис, в подчинении которого работал директор механического завода, предоставил в КПК исключительно положительную характеристику на И. М. Зальцмана. «За время своей работы в указанной должности проявил себя хорошим хозяйственником – организатором производства и умелым руководителем коллектива завода», – отмечал Ловкис. Из характеристики следовало, что возглавляемый Зальцманом завод систематически выполняет и перевыполняет все плановые задания по выпуску промышленной продукции и по другим экономическим показателям, на предприятии разрабатываются и осваиваются новые виды продукции для нужд городского хозяйства, а сам Зальцман «за разработку конструкций и организацию производства стальных штампованных радиаторов» в 1962 г. был награжден большой серебряной медалью ВДНХ. Личная и общественно-политическая характеристика директора также была исключительно положительной: «Тов. Зальцман И. М. лично дисциплинирован, политически развит, в решении деловых вопросов

¹ Там же, Л. 495–496.

² Там же, Л. 545, 555.

³ Там же.

⁴ Там же, Л. 525.

⁵ Там же, Л. 530, 545, 551.

⁶ Там же, Л. 527.

принципиальный, в поведении скромный, в коллективе пользуется заслуженным авторитетом. В общественно-политической жизни принимает активное участие, является депутатом Московского районного совета депутатов трудящихся, членом бюро парторганизации завода, выполняет отдельные поручения Московского РК КПСС»¹.

Не менее лестная характеристика поступила от парторганизации завода за подписью секретаря партбюро Кухтина. После краткого сообщения о трудовой деятельности И. М. Зальцмана секретарь заводского партбюро перешел к изложению успешной работы завода под его руководством: «В 1959 году ему была поручена организация Механического завода УКР, директором которого он работает по сей день. Обладая большими организаторскими способностями и имея большой опыт руководящей работы, т. Зальцман за короткий срок сумел создать дружный работоспособный коллектив. Завод, руководимый товарищем Зальцманом, первый в Союзе освоил выпуск предложенных им стальных штамповочных радиаторов и в мае 1959 года приступил к их серийному выпуску. Ежегодно завод осваивает выпуск новых видов продукции. Заводом за эти годы изготовлены башенные краны С-390 грузоподъемностью 3 тонны, МСК 5–20 грузоподъемностью 5 тонн и в 1963 году изготовлен головной образец высотного башенного крана грузоподъемностью 5 тонн для строительства зданий повышенной этажности».

Личные и деловые качества директора завода оценивались исключительно высоко: «Товарищ Зальцман, обладая большим опытом и опираясь на партийную организацию и общественность, умело направляет коллектив на решение стоящих перед заводом задач. Часто выступает перед рабочими и ИТР с докладами на политические и производственные темы, являясь чутким человеком, пользуется большим авторитетом и абсолютным доверием всего коллектива. На протяжении пяти лет избирался членом партийного бюро завода»². Тем не менее, невзирая на столь лестные характеристики, высшие партийные инстанции в который раз оставили просьбу И. М. Зальцмана без удовлетворения.

Тем временем с возрастанием интереса к истории Великой Отечественной войны биография И. М. Зальцмана стала привлекать внимание журналистов и публицистов. В 1976 г. в 70-летнем возрасте он вышел на пенсию и уже располагал достаточным временем, чтобы предаваться воспоминаниям. В 1970-е гг. среди бравших интер-

вью у знаменитого директора Танкограда был молодой журналист украинской газеты «Сельские вести» Владимир Сергийчук, будущий доктор исторических наук и профессор.

По свидетельству В. И. Сергийчука, Зальцман догадывался, что рано или поздно о нем будут писать книги. Конечно, в ходе бесед ему не удавалось обойти вниманием причины его отставки и исключения из партии в 1949 г. Рассказывать о коррупционных делах на заводе, своем высокомерном и хамско-пренебрежительном отношении к подчиненным, расправе над критиками, неоднозначных отношениях с местным партийным начальством, тяжелейших материально-бытовых условиях заводчан и своих «царских» подарках и «барских» забавах Исаак Моисеевич не собирался. Вместо этого он придумал красивую историю о том, как пал жертвой «ленинградского дела» и, несмотря на страшные угрозы и заманчивые посулы, исходившие от первых лиц государства, рискуя оказаться за решеткой, а то и расстаться с жизнью, наотрез отказался давать компромат на арестованных ленинградских руководителей А. А. Кузнецова, Я. Ф. Капустина и других. Завершая повествование, Зальцман рассказывал, как был исключен из партии с формулировкой «за финансовые нарушения и неверный стиль работы», давая тем самым понять, что эти обвинения были надуманными и не соответствовали действительности [Сергийчук: 2005, С. 3–6, 232].

Именно такую историю изложил Исаак Моисеевич в заявлении, пытаясь в очередной раз избавиться от перерыва в партийном стаже. В октябре 1980 г. накануне 75-летия он решил обратиться с апелляцией к предстоящему XXVI съезду КПСС, где попросил рассмотреть просьбу об изъятии соответствующей записи в его партийных документах.

На этот раз И. М. Зальцман решил поставить под сомнение законность самой процедуры его исключения из партии. «В 1949 году был исключен из рядов КПСС, а в начале 1955 года восстановлен с перерывом стажа, – писал Зальцман. – Меня исключили в КПК без рассмотрения в первичной партийной организации, более того, в том же 1949 г. на общезаводской партийной конференции в г. Челябинске, где присутствовало более 700 делегатов, я был избран в состав партийного комитета завода»³.

Нарушение хронологии в описании событий 1949 г. Зальцманом нельзя назвать случайным. Сомнительно, чтобы он пытался изложить мысль таким образом, что на заводской конференции в феврале 1949 г. заводская парторганизация выра-

¹ Там же, Л. 528.

² Там же, Л. 529–530.

³ Там же, Л. 545.

зила ему полное доверие, избрав в состав парткома завода, а КПК спустя полгода, исключая его из партии, проигнорировал это мнение заводской парторганизации. Если бы это было так, то Зальцману необходимо было совершенно иным способом сформулировать эти фразы.

Необходимо подчеркнуть, что анализ достаточно обширного текста его заявления не позволяет прийти к выводу о возрастных изменениях, наступивших у заявителя к тому времени: текст заявления был изложен весьма четко и грамотно, каких-либо явных и грубых стилистических и смысловых ошибок не имел, изобиловал точными сведениями – датами и цифрами. Текст был добротнo отпечатан на пишущей машинке и исключал двоякое толкование. Из изложенного следует сделать вывод, что такими формулировками, мастерским жонглированием фактами И. М. Зальцман попытался ввести в заблуждение относительно обстоятельств своего исключения из партии.

Из утверждений Зальцмана следовало, что цеховский партконтроль исключил его из партии, не спрашивая мнения первичной парторганизации, где он состоял на учете. Более того, невзирая на его исключение из партии на КПК, заводская партконференция избрала его в состав парткома завода. Зальцман тем самым пытался представить дело так, будто заводская парторганизация своими действиями выражала протест против его исключения из партии, а решение КПК без предварительного рассмотрения вопроса о его партийности на первичной парторганизации – нелегитимно. На самом деле ему было прекрасно известно, что цеховский партконтроль, равно как и другие партийные инстанции, мог применить по отношению к тому или иному члену партии любое партийное взыскание или наказание, вплоть до исключения из партии, не спрашивая при этом мнение или санкцию первичной партийной организации, где этот член партии состоял на учете (Об этом, в частности, на заводском партактиве в июле 1949 г. говорил А. П. Панин, отвечая на записки участников актива¹). Весьма маловероятно также, чтобы Зальцман запомнил последовательность событий 1949 г. Сомнительно и то, что его неправильно проинформировали о состоявшейся после его отставки и исключения из партии заводской партконференции, где якобы избрали его, беспартийного и работавшего в тот момент мастером в Муроме, членом заводского парткома, что само по себе было нелегитимно ни в 1949-м, ни в 1980 г.

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904. Л. 80.

Описав мнимые нарушения в процедуре исключения из партии, он принялся далее излагать свою версию произошедших в 1949 г. событий: «В 1949 г. в связи с разбором партийных дел некоторых работников Ленинграда меня вызвали в КПК и исключили из партии. Я письменно объяснил свою невиновность в главных моментах. Что касается моих ошибок в стиле руководства и неправильного поведения в отдельных личных вопросах, то, учитывая обстоятельства того периода, я против них не возражал, хотя там было больше клеветы, чем правды. Я был уверен, что пройдут годы и я своей работой сумею оправдать себя. Я прошу учесть, что до разбора моего дела в КПК я нигде ни от кого не получил не только взыскания, но даже предупреждения (я имею в виду партийные органы). Исключение из партии для меня было очень тяжелым ударом, тогда же я оставался депутатом Верховного совета 2-го созыва и не был лишен званий и наград. Я был очень требователен к себе и к своим подчиненным. Кое-где имели место резкости, но дисциплинарные взыскания в основном были по существу»².

Тем самым Зальцман не только представил выдуманную им историю об исключении из партии в связи с «ленинградским делом», но и, по сути, отверг обвинения в поведении, «недостойном советского руководителя», то есть те обвинения, которые с него никто не снимал. Кроме того, И. М. Зальцман предпочел «запомнить» о рассмотрении его «дела» в Секретариате ЦК ВКП(б) в июне 1949 г., а также о предупреждениях как в КПК при ЦК ВКП(б) от М. Ф. Шкирятова, так и в решении бюро Челябинского обкома ВКП(б) (и то, и другое в 1948 г.).

Зальцман писал с явным расчетом на то, что никто не будет поднимать документы 30-летней давности. Однако расчет не оправдался: отдел писем ЦК КПСС, куда поступила апелляция, переслал ее в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС для подготовки заключения. «Дело Зальцмана» поручили инструктору КПК при ЦК КПСС Волохину, поднявшему все материалы. В своей справке Волохин практически повторил те обвинения, которые ранее предъявлялись Зальцману: грубое, издевательское отношение к подчиненным; игнорировал и третировал местные партийные организации; допускал большие ошибки в подборе кадров; работников, совершавших злоупотребления, необоснованно защищал и выгораживал; допускал незаконное расходование государственных средств; недостойно вел себя в

² РГАСПИ, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 542–545.

быту. По всем пунктам обвинений в справке были приведены конкретные примеры.

Не забыл Волохин указать и просьбу собрания партийного актива Челябинского Кировского завода в июле 1949 г. об исключении И. М. Зальцмана из партии, что никак не состыковывалось с последними утверждениями Зальцмана о поддержке со стороны заводской парторганизации. История о помощи еврейскому театру тоже прозвучала как один из примеров злоупотреблений служебным положением. Истории с подарками для «ленинградцев» среди обвинений не было, упоминалась лишь именная шапка Зальцмана. Волохин привел версию И. М. Зальцмана об исключении из партии в связи с «ленинградским делом», указал на его несогласие с предъявленными обвинениями об ошибках в стиле руководства и перечислил высокие регалии Зальцмана¹.

Запрошенная с последнего места работы характеристика в отличие от предыдущих восторженных (1964 г.) была сдержанно-положительной: секретарь партбюро завода П. И. Холодненко отметил достижения завода под руководством бывшего директора и то, что тот, будучи на пенсии, принимает активное участие в работе заводской парторганизации. Отметив положительную характеристику, инструктор КПК предложил внести апелляцию И. М. Зальцмана на рассмотрение секретариата XXVI съезда КПСС².

Судя по документам, так и произошло. Учитывая фактическую сторону «дела Зальцмана», представленную в справке Волохина, и отрицание И. М. Зальцманом своей вины, положительное решение по его вопросу было весьма сомнительным. Однако Зальцману подсказали, что если он хочет избавиться от перерыва в партстаже, ему следует признать виновность. Исаак Моисеевич к совету прислушался.

Задним числом он подготовил дополнение к предыдущему заявлению, адресованное тому же XXVI съезду КПСС (причем настолько задним, что дата дополнения к заявлению, 14 октября, стала предшествовать дате написания основного заявления – 15 октября 1980 г.). Тональность нового заявления резко контрастировала с предыдущей: на этот раз Зальцман демонстрировал покорность и полное согласие с решениями ЦК и КПК. «В дополнение к моей просьбе об изъятии записи в моих партийных документах о перерыве стажа заявляю, что я полностью признаю тяжелые ошибки, допущенные мною, будучи директором Челябинского Кировского завода, – собственно-

ручно писал Исаак Моисеевич. – После моего исключения из партии (1949 г.) я работал в Муроме и Орле, где на практической работе старался исправить мое недостойное поведение в прошлом». О своих заслугах в танкостроении, о том, как награждался высокими званиями и наградами, Зальцман в отличие от предыдущего заявления не вспоминал, а лишь покорнейше просил: «Учитывая мое чистосердечное признание своих допущенных ошибок в стиле руководства, расстановке кадров, грубости по отношению к некоторым кадрам ИТР и другие, а также мою практическую деятельность за годы после восстановления в партии (1955–1976 гг.) прошу оказать мне доверие и удовлетворить мою просьбу об изъятии записи в партийных документах – моем перерыве»³.

Секретариат XXVI съезда КПСС был избран на первом заседании съезда 23 февраля 1981 г. в количестве 29 человек. Большинство членов секретариата составили первые секретари обкомов КПСС. Самым высокопоставленным в его составе являлся член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко⁴. По всей видимости, именно он играл первую скрипку в работе секретариата съезда.

25 февраля на очередном заседании секретариата было принято решение: «Секретариат XXVI съезда КПСС, рассмотрев апелляцию т. Зальцмана И. М., постановил: учитывая, что он признает и осуждает допущенные в прошлом проступки, после восстановления в партии 17 лет работал директором механического завода управления капитального ремонта горисполкома в г. Ленинграде, характеризовался положительно, является Героем Социалистического Труда и лауреатом Государственной премии, находясь в настоящее время на пенсии, принимает участие в общественной жизни, изъять перерыв в его партийном стаже с сентября 1949 г. по апрель 1955 г. Поручить Московскому райкому КПСС г. Ленинграда выдать новый партийный билет т. Зальцману И. М.»⁵.

Как показало время, «чистосердечное признание» для И. М. Зальцмана было лишь способом добиться от властей нужного ему решения. Интервью ленинградскому корреспонденту «Труда» А. А. Гервашу и письмо челябинскому журналисту Р. Ф. Шнейвайсу свидетельствуют о том, что Исаак Моисеевич даже не думал отказываться от выдуманной им красочной истории его отставки и исключения из партии в 1949 г., которая в по-

³ Там же, Л. 539–540.

⁴ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля – 3 марта 1981 года. Стенографический отчет. – М., 1981. – Т. 1. – С. 11–12.

⁵ РГАСПИ, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 558.

¹ Там же, Л. 551–555.

² Там же, Л. 548–549, 551.

следующем легла в основу научных и научно-популярных работ.

Версия отставки и исключения из партии, изложенная Зальцманом в письме Р. Ф. Шнейвайсу, несколько отличалась от той, что опубликовал А. А. Герваш в «Труде». Исаак Моисеевич представил историю изготовления подарочного оружия для «ленинградцев» следующим образом. С инициативой послать подарки членам Военного совета Ленинградского фронта выступила в 1944 г. группа мастеров и рабочих завода, и было решено заказать на златоустовском заводе меч для Жданова, сабли маршалу Говорову и секретарю горкома партии Кузнецову. Общественность Челябинского Кировского завода решила собрать деньги и перевести их в Златоуст для оплаты заказанных подарков, а временно эту сумму оплатить заводу. «Подарки мы получили и вручили тем, кто их заслуживал», – вспоминал Исаак Моисеевич, уже не отказываясь от причастности к этой истории. Одновременно Зальцман приказал начальнику финансового отдела завода отправить деньги в Златоуст.

Последнее обстоятельство послужило причиной вызова директора завода к наркому госконтроля Мехлису, где его обвинили в растрате государственных средств. Некоторое время спустя И. М. Зальцмана вызвали в Комитет партийного контроля и предъявили политическое обвинение: почему ленинградским руководителям завод послал подарки, а о Верховном главнокомандующем Сталине забыли? Тогда же «партийные боссы» потребовали от директора написать материалы, компрометирующие руководителей Ленинграда. После его категорического отказа в Челябинск приехала комиссия собирать компромат уже на него, Зальцмана. Причем комиссия, по версии Зальцмана, не только объявила об исключении его из партии, но даже об аресте. Вот как выглядит этот фрагмент в письме Р. Ф. Шнейвайсу: «Вслед за этим в Челябинск приехала комиссия, начала собирать компромат на меня и сообщила, что я исключен из партии и арестован. Это был 1949 год. Тогда, когда в Ленинграде на памятнике защитникам города были вытиснены золотыми буквами фамилии Героев Социалистического Труда и среди них и мое имя. Не постыдились!» [Шнейвайс: 2000, С. 7]. По всей видимости, дальше формировать миф о своем аресте в 1949 г. И. М. Зальцман не стал, потому как в противном случае вряд ли корреспондент А. А. Герваш или украинский историк В. И. Сергейчук, которые брали у него интервью, упустили бы возможность описать очередное чудовищное злодеяние сталинского режима.

Решение секретариата XXVI съезда КПСС предоставило И. М. Зальцману возможность на законных основаниях указывать в автобиографиях свой внушительный партстаж. «Я член Коммунистической партии с апреля 1928 года, – писал он в автобиографии в октябре 1987 г. – Надеюсь, что в 1988 году буду иметь возможность отметить 60-летие пребывания в моей родной Ленинской партии»¹.

Исааку Моисеевичу Зальцману довелось дожить до этой юбилейной даты, выпавшей на апрель 1988 г. В июле того же года в возрасте 82 лет он ушел из жизни с «чистым» партбилетом.

Подводя итоги, следует сказать, что партийная реабилитация И. М. Зальцмана, то есть отмена решения об исключении из партии со снятием всех обвинений, о чем рассказывал Зальцман – есть очередной миф, один из мифов, которые так тщательно создавал Исаак Моисеевич вокруг своей фигуры. Архивные документы, сомневаться в достоверности которых не приходится, свидетельствуют о том, что с Зальцмана не были сняты все обвинения, изложенные в решении Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1949 г.

Любые воспоминания – источник весьма субъективный, требующий тщательной верификации путем сопоставления с архивными документами и другими доступными источниками. При работе с воспоминаниями необходимо скрупулезно изучить компетентность их автора, степень его ангажированности, выяснить, насколько он объективен в своих оценках, не заинтересован ли в искажении фактов, либо неосознанно пытается интерпретировать эти факты в выгодном для себя или своих близких свете. Имеет ли место абберрация дальности – искажение восприятия имевших место событий с течением времени. Желательно, чтобы воспоминания выступали в качестве дополнения к сведениям документальным, и только в тех исключительных случаях, когда отсутствуют архивные документы, с известной долей осторожности и специальными оговорками они могут быть использованы в качестве основного источника. Как показывает анализ архивных документов, а именно – делопроизводственной документации, отложившейся в ходе деятельности высших органов власти, свидетельства И. М. Зальцмана являются весьма ненадежным историческим источником для реконструкции событий, связанных с его отставкой, исключением из партии и последующим восстановлением.

¹ Музей Челябинского тракторного завода, Дело персональное № 95. Ф. I. Р. II, П. III. Инв. № 2114(а). Л. 14.

Список литературы

1. Видный деятель Коммунистической партии и Советского государства М. Ф. Шкирятов // Правда. – 1954. – 19 января. – С. 3.
2. Герваш, А. Танковый нарком / А. Герваш // Труд. – 1988. – 13 октября. – С. 4.
3. Кутузов, В. А. Так называемое «ленинградское дело» / В. А. Кутузов // Вопр. истории КПСС. – 1989. – № 3. – С. 53–67.
4. Похороны Матвея Федоровича Шкирятова // Правда. – 1954. – 21 января. – С. 3.
5. Сергейчук, В. Танковый король России / В. И. Сергейчук. – Киев, 2005. – 236 с.
6. Советская социалистическая законность неприкосновенна // Правда. – 1953. – 6 апреля. – С. 1.
7. Сушков, А. В. «Ты брось эти штучки, у меня есть на кого опереться...» И. М. Зальцман и Челябинская партноменклатура во второй половине 1940-х годов / А. В. Сушков // Гороховские чтения : материалы седьмой региональной музейной конференции / под ред. Н. А. Антипина. – Челябинск, 2016. – С. 335–346.
8. У гроба М. Ф. Шкирятова // Правда. – 1954. – 20 января. – С. 3.
9. Шнейвайс, Р. Как Сталина оставили без сабли: за что исключили из партии и сняли с работы первого директора Танкограда Исаака Зальцмана / Р. Шнейвайс // Челяб. рабочий. – 2000. – 25 февраля. – С. 7.

Сведения об авторе

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия.
suschkow@mail.ru

Magistra Vitae.
2017. No 1. P. 51–62.

‘I ASK THE CENTRAL COMMITTEE TO BRING ME BACK TO LIFE, GIVE ME A VOTE OF CONFIDENCE TO BELONG TO THE GREAT PARTY OF LENIN AND STALIN’: THE STRUGGLE OF I. M. ZALTSMAN FOR RESTORING IN THE PARTY RANKS

A. V. Sushkov

Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Yekaterinburg, Russia.
suschkow@mail.ru

Having been expelled from the CPSU(b) in 1949, I. M. Zaltsman, former director of the Chelyabinsk Kirov Plant, launched a struggle for restoring in the party ranks. The justification of the accused in the ‘Leningrad case’ and the ‘case of the Jewish Antifascist Committee’ after J. V. Stalin’s death allowed I. M. Zaltsman to dismiss key charges against him and reinstate himself in the party. This fact, in turn, gave him an opportunity to be appointed as a director of one Leningrad plant, and subsequently to create a myth about his dismissal and expulsion from the party, connected allegedly with the «Leningrad case», and blow it about. At the same time, it was not a complete party justification of I. M. Zaltsman with a reversal of a party expulsion judgment and withdrawal of all charges, as Zaltsman described it. In 1955 he was reinstated in the party by the decision of the Party Control Committee of the Central Committee of CPSU, but there was an indication of a break in the party experience. In 1981 the secretariat of the CPSU 26th Congress resolved to remove the break in I. M. Zaltsman’s party experience, considering that he recognized and condemned his past misdeeds.

Keywords: *I. M. Zaltsman, the Party Control Committee of the Central Committee of CPSU, party and state system of government, city of Chelyabinsk, Chelyabinsk Kirov plant.*

References

1. Vidnyj dejatel' Kommunisticheskoj partii i Sovetskogo gosudarstva M.F. Shkirjatov [The prominent figure of the Communist Party and the Soviet state, M.F. Shkiryatov]. *Pravda* [Truth], 1954, January 19, p. 3. (In Russ.).
2. Gervash A. Tankovyj narkom [Tank commissar]. *Trud* [Work], 1988, Oktober 13, p. 4. (In Russ.).
3. Kutuzov V.A. Tak nazyvaemoe «leningradskoe delo» [The so-called «Leningrad case»]. *Voprosy istorii KPSS* [Questions of the CPSU history], 1989, no. 3, pp. 53–67. (In Russ.).
4. Pohorony Matveja Fedorovicha Shkirjatova [The funeral of Matvey Fedorovich Shkiryatov]. *Pravda* [Truth], 1954, January 21, p. 3. (In Russ.).
5. Sergijchuk V. *Tankovyj korol' Rossii* [Russia's tanks king]. Kiev, 2005. 236 p. (In Russ.).
6. Sovetskaja socialisticheskaja zakonnost' neprikosnovenna [Soviet socialist legality is inviolable]. *Pravda* [Truth], 1953, April 6, p. 1. (In Russ.).
7. Sushkov A.V. «Ty bros' jeti shtuchki, u menja est' na kogo operet'sja...» I.M. Zal'man i cheljabinskaja partnomenklatura vo vtoroj polovine 1940-h godov [«Quit that crap! I have people to rely on...» I.M. Zaltsman and the Chelyabinsk party nomenclature in the second half of the 1940s]. Antipin N.A. (ed.). *Gorokhovskie chtenija: materialy sed'moj regional'noj muzejnoj konferencii* [Gorokhovsky readings: materials of the Seventh Regional Museum Conference]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 335–346. (In Russ.).
8. U groba M.F. Shkirjatova [By the coffin of M.F. Shkiryatov]. *Pravda* [Truth], 1954, January 20, p. 3. (In Russ.).
9. Shnejvajs R. Kak Stalina ostavili bez sabli: za chto iskljuchili iz partii i snjali s raboty pervogo direktora Tankograda Isaaka Zal'mana [How Stalin was left without sabre: why was the first Tankograd director Isaac Zaltsman expelled from the party and removed from the work]. *Cheljabinskij rabochij* [Chelyabinsk Worker], 2000, February 25, p. 7. (In Russ.).